

Радик Яхин

Ваш Декан мёртв

Радик Сайфетдинович Яхин

Ваш Декан мёртв

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73313558

SelfPub; 2026

Аннотация

В магической академии Аркадион творится нечто зловещее: декан мёртв, а его смерть окутана тайной. Андрей, оказавшийся в стенах заведения, постепенно погружается в пучину мистических событий – от загадочных посланий и призрачных теней до древних ритуалов и заговоров.

По мере продвижения вглубь тайн академии Андрей обнаруживает, что границы между жизнью и смертью, правдой и ложью, светом и тьмой размыты. Чтобы спасти Аркадион и раскрыть заговор, ему придётся сразиться с тенями прошлого, пройти через зеркальные лабиринты и сделать выбор, который изменит судьбу всего магического мира.

Это история о магии, предательстве и самопожертвовании, где каждый шаг ведёт к новой загадке, а ответ на главный вопрос может стоять герою всего.

Радик Яхин

Ваш Декан мёртв

Дождь в мире за пределами Аркадиона был обычным, скучным, размывающим краски. Здесь же, в трех шагах от магического портала, туман был иным. Он не падал с неба, а поднимался от земли, плотный, молочный, живой. Он обволакивал всё: древние, поросшие мхом стены академии, остроконечные шпили башен, теряющиеся в серой пелене, даже звук собственных шагов. Андрей остановился, сжав чемодан с простыми, немагическими инструментами. Его вызывали на неделю, максимум. Дело о скоропостижной смерти старого мага в закрытом учреждении. Рутинка. Но этот туман... Он пожирал связь. За спиной, где секунду назад мерцал входной портал, теперь висела лишь непроглядная стена. В ушах стояла абсолютная тишина, лишенная даже эха. Не тревожная, нет. Настороженная. Будто туман прислушивался к нему.

Ворота оказались не заперты. Они были вырезаны из черного дерева, испещренного рунами, которые светились тусклым, угасающим светом. За ними открылся внутренний двор, пустой и безжизненный. И стоял Он. Страж был высок и неподвижен, как статуя. Его плащ цвета камня сливался с мостовой. Но лицо... На обычном месте глаз была лишь бледная, гладкая кожа. Третий глаз, вертикальный и цвета жидкого золота, сиял посреди лба. Он смотрел на Андрея. Не

на лицо, а сквозь него, внутрь. Андрей почувствовал холодный мурашек, пробежавший по позвоночнику – не страх, а ощущение полной обнаженности. «Андрей Корвин. Служба магического контроля. По вызову», – произнес он, подавая печать-мандат. Страж не шелохнулся. Золотой глаз моргнул медленно, тяжело. «Проходи, следовательно, – голос был похож на скрип древних ветвей. – Тебя ждут. Твое прошлое уже здесь. Оно идет за тобой по пятам». Андрей резко обернулся. Только клубящийся туман.

Комната, отведенная ему в гостевом крыле, пахла ладаном и старыми книгами. Ничего личного. Простые дубовые панели, кровать с пологом, письменный стол у стрельчатого окна. Он бросил чемодан и потянулся к шторе, чтобы развеять гнетущую мглу, но окно оказалось заложено снаружи темным камнем. Искусственная ночь. На столе, в луче света от магического шара, лежал конверт. Толстая, пожелтевшая бумага, сургучная печать с гербом Аркадиона – сплетенные змея и ключ. Андрей надломал печать. Внутри – один лист, исписанный острым, нервным почерком. «Коллеге, – начиналось письмо. – Если вы это читаете, значит, я завершил свои изыскания. Или меня завершили. Не верьте сердцу. Оно лжет первым. Ищите разум в хаосе. Профессор Вольдемар, декан факультета Непознанного». Внизу стояла дата. Сегодняшнее число. День, когда Вольдемар, по официальным данным, уже двенадцать часов как был мертв.

Холодный душ должен был смыть усталость и странное

предчувствие. Вода в академии была ледяной, будто струилась прямо из горных ледников. Андрей вытерся, и его взгляд упал на большое овальное зеркало в золоченой раме. Его отражение было бледным, с тенью под глазами от долгой дороги. Он повернулся, чтобы взять рубашку со стула. В зеркале его двойник замер на месте. Затем медленно, очень медленно, повернул голову и посмотрел прямо на него. В реальности Андрей стоял к зеркалу полубоком. Ледяной шок сковал тело. Он заставил себя посмотреть прямо в стекло. Отражение было нормальным, повторяло его позу, выражение легкого недоумения. Но сейчас он уже не мог отделаться от ощущения, что в глубине зеркала, за слоем серебра, кто-то лишь на мгновение вышел из тени, чтобы его увидеть.

Ночью академия ожила. Не звуками, а движением. Скрипы половиц, будто кто-то осторожно крадется по коридору. Шорох плаща за углом. Андрей не мог уснуть. Он вышел из комнаты, решив дойти до кухни, надеясь найти хоть какой-то чайник. Коридоры освещались редкими светильниками, чей пламень замирал неподвижно в стеклянных колбах. В одном из переходов он столкнулся со сторожем – древним стариком с лицом, изборозженным морщинами глубже, чем руны на воротах. Старик нес фонарь, отбрасывающий пляшущие тени. «Не туда зашел, господин следовательно, – проскрипел он. – Кухня в другом крыле». Андрей кивнул, уже готовый развернуться. «Он был хорошим человеком, наш декан, – вдруг сказал сторож, и его мутные глаза сверкнули. –

Любил загадки». Он сделал шаг ближе, и запах ладана смешался с запахом влажной земли. «Так вот тебе загадка от меня. Не спрашивай, кто его убил. Потратишь время. Спроси лучше, почему он позволил это. Понял? Почему он позволил». И прежде чем Андрей успел что-то ответить, старик растворился в боковой арке, словно его и не было.

Капелла-морг академии находилась в старейшей, подземной части здания. Воздух здесь был густым, пропитанным запахами трав, консервирующих растворов и чего-то еще – сладковатого, напоминающего тлен. Тело профессора Вольдемара лежало на каменном плите под белым саваном. Лицо старика было спокойным, почти умиротворенным, без следов боли или ужаса. Именно это и было самым неестественным. Андрей включил свой детектор – диск из полированного обсидиана, реагирующий на остаточные магические поля. Прибор, обычно тихо жужжавший, взвыл пронзительно, и его стрелка замерла, указывая прямо на грудь покойного. Вскрытие, которое Андрей провел под наблюдением местного целителя, подтвердило худшее: сердце было идеально здоровым, мышечная ткань не имела повреждений, но сам орган... он будто замер. Не разорвался, не остановился. Он забыл, как биться. Чистый признак магического удара «Тишина», который не оставляет следов на плоти, но безвозвратно гасит жизненную искру. Убийство. Бесспорно.

В кабинете декана, высоком, залитом холодным светом

через витражи, было идеально чисто. Книги стояли ровными рядами, перья лежали параллельно, на восковых табличках не было ни единой пылинки. Слишком чисто. Андрей прошелся с детектором по комнате. У окна, за массивным дубовым столом, прибор снова выдал слабый, но отчетливый сигнал. Не от предметов, а от самого воздуха. Андрей закрыл глаза, позволив своей скромной врожденной чувствительности к потокам вести себя. Он ощутил слабое эхо, вибрацию, знакомую ему по старым учебникам о запрещенных практиках. Горьковатый привкус полыни на языке, легкий звон в ушах – маркеры ритуала, известного как «Песнь Изгнания Души». Его запретили три столетия назад за необратимость и мучительность для жертвы. Кто-то не просто убил Вольдемара. Кто-то стер его душу с предельной точностью.

В ящике стола, потайном, открывавшемся от нажатия на резной узор, лежал кожаный дневник. Небольшой, потертый. На его обложке не было ни названия, ни имени, только железная застежка в виде змеи, кусающей собственный хвост. Как только Андрей коснулся ее, острая, жгучая боль пронзила пальцы, будто он схватил раскаленный уголек. Он инстинктивно одернул руку. Защитное заклинание. Не для предотвращения кражи, а для причинения боли любому, кроме хозяина. Хозяин был мертв. Значит, заклятие должно было исчезнуть. Но оно действовало. Как будто чья-то воля, привязанная к этому дневнику, все еще была жива и охраняла его. Андрей обернул руку платком и снова потянулся к

застежке. Боль была чуть слабее, терпимее. Он сжал зубы и нажал. Змея расцепила челюсти с тихим щелчком.

Главный архив академии представлял собой лабиринт бесконечных стеллажей, уходящих в полумрак под потолком. Архивариус, нервный человек в очках с толстыми линзами, указал на полку с личными делами преподавателей и исчез между рядами, бормоча что-то о беспорядке. Андрей искал любое упоминание о «Песни Изгнания» или старых конфликтах Вольдемара. Через полчаса он понял, что нужные ему тома должны быть в секции «Рестрикта», но доступ туда был только у декана и архивариуса. Он отправился его искать. Стол архивариуса стоял в небольшой нише, заваленный бумагами. На столе лежала открытая книга с пометками, рядом – чашка с остывшим чаем. Окно за столом было распахнуто настежь, хотя снаружи был тот самый леденящий туман. На подоконнике и на развороте книги Андрей увидел несколько мелких, темных, почти черных капель. Он прикоснулся к одной. Липкая. Холодная. Магический детектор рядом с ними молчал. Это была кровь. Но не человеческая. Архивариуса нигде не было.

Измученный событиями дня, Андрей провалился в тяжелый, беспокойный сон почти сразу, как коснулся головой подушки. Ему снился кабинет декана, но в темноте, при свете одной-единственной свечи. За столом сидел Вольдемар. Он был полупрозрачным, как дымка, и смотрел на Андрея печально. «Вы прочли мое письмо, – сказал призрак, и его го-

лос звучал прямо в сознании. – Хорошо. Они думают, что я ушел навсегда. Они ошибаются. Я лишь сделал шаг в сторону, чтобы увидеть картину целиком». Призрак поднял руку и указал пальцем не на дверь, не на окно, а на собственное лицо. «Они украли мою смерть, коллега. Но они не смогли украсть мою суть. Ищи того, кто носит мое лицо. Ищи того, кто смеет смотреть на мир моими глазами. В нем – ключ и замок». Свеча на столе погасла, и тьма сомкнулась, но последние слова прозвучали уже из самой глубины сна: «Он ближе, чем ты думаешь».

О ней ему рассказали первое же утро. Профессор иллюзий и тонких материй, декан смежного факультета. А еще – возлюбленная Вольдемара в далекой молодости. Их связь осталась в прошлом, но, по слухам, теплые, почти дружеские отношения сохранились. Андрей нашел ее в Оранжеее Иллюзий – огромном зале, где под куполом плавали несуществующие птицы, а с деревьев капала вода, которая испарялась, не долетев до пола. Кайра была высокой, строгой женщиной с седыми, собранными в тугий узел волосами и глазами цвета зимнего неба. В них читался холодный, ясный интеллект и бездонная печаль. «Вольдемар знал, что умрет, – сказала она без предисловий, подстригая невидимыми ножницами ветви фантомного дерева. – Он говорил о цикле. О долге. Я думала, это метафора старика, уставшего от жизни. Оказывается, он был буквален». Она повернулась к Андрею.

«Будьте осторожны, следовательно. В Аркадионе стены помнят не только камни, но и намерения. И некоторые намерения здесь... проросли».

Студенты, с которыми Андрей говорил, были одинаково напуганы и сбиты с толку. Все кроме одного. Марк, с третьего курса факультета Защиты. Молодой человек с тихим голосом и привычкой смотреть куда-то мимо собеседника. Во время беседы в тренировочном зале Андрей заметил на стене зеркальный щит, используемый для отработки отражения заклятий. Студенты по очереди подходили к нему, и их магические ауры, их «отсветы души», отпечатывались на поверхности яркими, хоть и недолговечными, пятнами света. Когда подошла очередь Марка, щит остался чистым. Совершенно пустым, темным. Будто перед ним стоял не живой маг, а глухая, поглощающая все стена. Сам Марк, казалось, не заметил аномалии или сделал вид. Остальные студенты перешептывались, отводя глаза. «Он всегда такой, – пробормотал кто-то сзади. – Пустотелый».

В Главной галерее, ведущей в столовую, висели портреты всех прошлых деканов. Вольдемар был предпоследним в ряду. Художник изобразил его суровым, с пронзительным взглядом, устремленным куда-то за рамки картины. Проходя мимо в сотый раз, Андрей замедлил шаг. Ему показалось... Он пригляделся. Глаза на портрете были теперь направлены прямо на него. Андрей сделал шаг в сторону. Взгляд с картины медленно, плавно последовал за ним. Он замер. Веки

на портрете медленно сомкнулись и вновь открылись. Моргнули. Это не была иллюзия. Холст слегка затрепетал, как от дыхания. По спине пробежал ледяной пот. Он подошел ближе, готовый сорвать картину со стены. В этот момент из-за угла послышались шаги, и портрет замер, вернувшись в свое первоначальное, безжизненное состояние. Но выражение в глазах краски теперь казалось не суровым, а... предостерегающим.

Карта академии, выданная ему, была намеренно неполной. Но следуя за слабыми аномалиями на детекторе и собственным чутьем, Андрей спустился в самые старые подвалы. Воздух здесь был спертый, пахнущим ржавчиной и озоном. В конце низкого коридора он нашел дверь, не указанную ни на одной схеме. Она была из темного металла, без ручки, с одной лишь щелью для монеты или ключа. Над дверью на стене была высечена надпись на древнем наречии: «Доступ воспрещен. Не пробуждай спящее». А ниже, уже свежей краской, на обычном языке: «Проклятие внутри. Отойди». Детектор в его руках забился в истерике, заливаясь пронзительным визгом. От самой двери исходил слабый, едва уловимый трепет – ритмичный, как сердцебиение. Только очень большое и очень старое сердце могло биться так медленно и так тяжело.

Ночь снова принесла не сон, а кошмар бодрствования. Лежа в постели, Андрей слышал, как по коридору снаружи пронеслись чьи-то быстрые, легкие шаги. Он вскочил, при-

льнул к замочной скважине. Коридор был пуст. Но когда он отвернулся, из самой стены у изголовья кровати слышался шепот. Неясный, состоящий из множества перекрывающих друг друга голосов, как шум падающей воды. Он приложил ухо к холодным камням. Голоса прояснились, слившись в одну фразу, которую повторяли снова и снова, как мантру: «Он не умирал. Он не умирал. Он ушел. Он ушел. Чтобы вернуться. Чтобы вернуться». Шепот стих так же внезапно, как и появился. На стене, в том самом месте, остался лишь легкий, влажный налет, как от дыхания. Андрей провел пальцем. На ощупь это была обычная вода. Но на языке она отдавала медью и пеплом.

Следы черной крови из архива не давали ему покоя. С помощью простого заклинания «Поиск родства», которое он наложил на образец, Андрей попытался найти ее источник. Заклятие, обычно четко указывающее направление, вело себя странно: стрелка компаса дрожала, кружилась на месте, будто источник был не один, а повсюду. Или нигде. В конце концов, оно потянуло его обратно в подвалы, но не к запертой двери, а в боковой отсек, похожий на заброшенную кладовую. В центре комнаты, на полу, был начертан круг. Не краской, не мелом. Темные, почти черные пятна впитались в камень, образуя сложные, переплетающиеся символы. Кровь. Та самая. Внутри круга валялись сломанные меловые свечи, перевернутая чаша и... серебряное перо с гер-

бом Вольдемара. Ритуал проводили здесь. И использовали кровь, которая не была человеческой, но явно имела силу. Силу, способную открыть или закрыть что-то важное.

Вернувшись в кабинет декана под предлогом повторного осмотра, Андрей нашел на полке среди обычных трудов по теории магии один неприметный фолиант в кожаном переплете. Названия не было. Внутри, на пергаментных страницах, были вписаны имена всех когда-либо учившихся и преподававших в Аркадионе. «Книга Причастия», как гласило предисловие, связывающая душу академии с душами ее обитателей. Он нашел страницу с именем Вольдемара. Чернила, которыми оно было выведено, поблекли, стали серыми, почти невидимыми. Будто имя стирали. Но прямо поверх, другими, более свежими и яркими чернилами, его вывели заново. И почерк этого второго написания... он совпадал с почерком в письме, которое Андрей нашел в первый день. Письме от мертвого. Получалось, Вольдемар сам, уже после смерти, вписал свое имя обратно. Или это сделал кто-то, кто мог идеально подражать его руке.

Преследование стало привычкой. Он чувствовал взгляды в спину, видел мелькание фигур в конце коридоров. Однажды, поздно вечером, возвращаясь из библиотеки, он увидел ее ясно. Тень, отброшенную на стену в свете фонаря. Не его тень – она была выше, шире в плечах, с четким профилем, похожим на профиль Вольдемара с портретов. И на пальце этой теневой руки было кольцо – массивная печатка

с темным камнем. То самое кольцо, которое, как подтвердила Кайра, всегда было на руке декана и которое бесследно исчезло после его смерти. Андрей бросился за угол. Коридор был пуст. Но на каменном полу, в пыли, он увидел единственный четкий отпечаток – не ноги, а края тяжелой печати, будто кто-то на мгновение оперся на руку. Он сфотографировал отпечаток магическим кристаллом. Изображение на кристалле проявилось, но вместо отпечатка кольца на нем был виден лишь расплывчатый, искаженный символ, который больно было разглядывать.

Расписание лекций декана, висевшее на стене его кабинета, было обычным делом. Андрей уже просматривал его. Но теперь, под определенным углом падающего света, он заметил нечто. Бумага была чуть толще в одном месте. Он аккуратно разделил слои пергамента. Это была накладка, тончайшая иллюзия, скрывающая нижний лист. Настоящее расписание. И на нем, в день смерти Вольдемара, стояла не лекция по «Основам телепатии», а одна-единственная запись: «Встреча. Башня Западного Крыла. 3:03». Время, которого не существует на обычных часах. А ниже, мелким почерком, была выведена дата. Дата, которая повторялась раз в сто лет. Следующая такая дата должна была наступить через три дня.

Оно лежало утром под его дверью. Простой лист, сложенный втрое. Ни печати, ни подписи. Текст был написан угловатым, незнакомым почерком, но чернила были теми же, что и в Книге Имён – яркими, чуть мерцающими в сумерках.

«Ты ходишь кругами, Андрей Корвин. Ты ищешь убийцу, как хороший, правильный следователь. Но ты смотришь не туда. Ты не следователь в этой истории. Не ищущий. Ты – ключ. Тот, кого ждали. Тот, для чьего прихода и была открыта дверь в тот день. Спроси себя: почему выбрали именно тебя? Не самого опытного, не самого сильного. Почему тебя? Ответ не в деле. Он в тебе. И когда ты его найдешь, поймешь, что смерть Вольдемара – не начало. Это приглашение. Приходи. Башня. 3:03». Андрей скомкал письмо, затем разгладил его снова. Сердце бешено колотилось. Его выбрали. Его ждали. И теперь его вели по темному коридору, к двери, за которой его предназначение было быть не сыщиком, а инструментом.

О существовании артефакта он узнал от студентки-болтуни, которая помогала в библиотеке. «Зеркало Истины Агасфера», – таинственно прошептала она. – Оно хранится в Зале Реликвий. Говорят, оно показывает суть любого, кто в него посмотрит. Лжеца, предателя, носителя темного заклятья...» Зал Реликвий был открыт раз в неделю для посещения, но сегодня как раз был тот день. Андрей нашел зеркало в дальнем углу, прикрытое бархатной тканью. Оно было круглым, в простой медной оправе, и его поверхность была не серебряной, а темной, как полированный обсидиан. Рядом с ним, изучая другой экспонат, стоял профессор таурологии, массивный мужчина с окладистой бородой. Пой-

мав взгляд Андрея, профессор крякнул: «Суеверия! Барский хлам!». И, будто для демонстрации своего презрения, шлепнул ладонью по темной поверхности зеркала. В тот же миг его лицо исказилось гримасой нечеловеческого ужаса. Он вскрикнул, отдернул руку, будто обжегся, и бросился прочь из зала, расталкивая студентов. Ткань, прикрывавшая зеркало, упала. В глубине черного стекла на мгновение мелькнуло чье-то лицо – не профессора, а совсем другое, бледное и скорбное. Потом оно исчезло.

Больше никто не решался подойти к зеркалу. Смотритель, хмурясь, натянул ткань обратно. Андрей дождался, когда зал опустеет, и вернулся. Он не собирался смотреть в него. Он лишь хотел проверить артефакт детектором. Но стоило ему приблизиться, как из-под ткани послышался голос. Тихий, беззвучный, звучащий прямо в голове. Шепот, похожий на шепот в стене, но яснее. «Он здесь... Он все еще здесь... Не ищи его среди мертвых камней... Ищи среди живых теней... Декан не ушел... Он внутри... Внутри того, что должно было его поглотить...» Андрей резко отдернул руку. «Внутри чего?» – мысленно спросил он. Зеркало молчало. Затем ткань над ним слегка колыхнулась, будто от дыхания. «Внутри лжи, которую называют спасением», – прозвучал окончательный ответ, и шепот стих.

Он нашел сторожа, того самого, что предупредил его в первую ночь. Старик копался в ящике с инструментами у служебного входа. «Комната, которой нет? – переспросил он,

почесывая щетинистый подбородок. – Была, была такая. В Северном крыле, на третьем этаже. Не тринадцатая по счету, нет. Просто на двери цифры такие были: один и три. Но то ли ее замуровали, то ли она сама ушла. Стены в Аркадионе, они живые, понимаешь? Иногда сжимаются, иногда раздвигаются. А комната та... она была особенная. Туда декан частенько навещался. Один. Возвращался оттуда бледный, будто видел что». Старик подмигнул единственным целым зубом. «Может, она и сейчас там. Только показывается не каждому. Может, тебе и покажется, коли ты ключ, как поговаривают».

В ту ночь Андрей не спал. Он сидел у окна, вглядываясь в каменную кладку вместо неба, и думал о письме, о башне, о времени 3:03. И ровно в этот момент, в непроглядной тьме, раздался удар колокола. Низкий, гулкий, пронизывающий стены и камни, отзывающийся вибрацией в костях. Один. Потом второй. Третий. Звук шел сверху, с самой главной башни, где, как он знал, колокол не звонил со времен Великой Чистки пятьдесят лет назад – его язык был закован в тишину магическими цепями. Удары были мерными, торжественными, будто отмеряющими время для чего-то неизбежного. После третьего удара наступила тишина, еще более звенящая, чем прежде. Андрей взглянул на свои карманные часы, которые он сверил с академическими в полдень. Стрелки показывали 3:03. Колокол прозвонил не по местному времени. Он прозвонил по времени иному. По времени ритуала.

На следующее утро, направляясь в столовую через главный продольный коридор, его взгляд случайно скользнул по потолку. И зацепился. Высокие своды были украшены фресками, поблекшими от времени. И между этими фресками, на гладкой штукатурке, были странные отметины. Не копоть, не трещины. Это были смазанные, темные полосы, будто что-то влажное и тяжелое волочилось по потолку. Полосы образовывали путь, прерывистый, но ведущий от одного конца коридора к другому. Андрей встал под одной из таких полос. Следов на стенах или на полу под ней не было. То, что оставило эти отметины, двигалось не по стенам, не ползло. Оно двигалось по воздуху, касаясь потолка, будто плыло вниз головой в невесомости, недоступной для человеческого глаза. Он вспомнил студента Марка, его пустой щит, поглощающий свет. Что, если он поглощал и гравитацию? Что, если он мог ходить там, где другим было не дано?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.